

**ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ КОНСТИТУЦИИ
СТАТЬИ 123 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РА НА ОСНОВАНИИ
ОБРАЩЕНИЯ АЙКА МЕЛКОНЯНА**

г. Ереван

30 сентября 2025 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе:

председательствующего: Армана Диланяна

судей: Артака Зейналяна,

Грайра Товмасяна,

Давида Хачатуриана,

Овакима Овакимяна,

Эдгара Шатиряна,

Седы Сафарян,

Артура Вагаршяна (докладчик),

с участием (в рамках письменной процедуры):

заявителя - Айка Мелконяна (далее также - Заявитель),

представителя Заявителя - адвоката Гаяне Папоян,

ответчика - Национального Собрания (далее также - Ответчик)

представителя Ответчика - начальника Юридического управления Аппарата
Национального Собрания Мари Степанян

согласно пункту 1 статьи 168, пункту 8 части 1 статьи 169 Конституции, а также статьям 22 и 69 Конституционного закона “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия Конституции статьи 123 Уголовно-процессуального кодекса РА на основании обращения Айка Мелконяна”.

Изучив обращение и прилагаемые к нему документы, письменное объяснение Ответчика, проанализировав оспариваемые и взаимосвязанные с ними другие положения закона, Конституционный Суд **УСТАНОВИЛ:**

Производство в Конституционном Суде

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения (далее также - Кодекс) принят Национальным Собранием 30 июня 2021 года, подписан Президентом Республики 27 июля 2021 года, вступил в силу с 1 июля 2022 года.

2. Статья 123 Кодекса, озаглавленная “Домашний арест”, устанавливает:

«1. Домашний арест – такое ограничение свободы обвиняемого, в ходе которого он обязан не покидать жилое помещение, указанное в постановлении суда.

2. Постановлением суда обвиняемому может быть запрещено также:

1) переписка, телефонные переговоры, пользование другими формами коммуникации, в том числе – почтовые отправления;

2) общение с определенными лицами или прием других лиц в месте своего проживания.

3. В постановлении суда о применении домашнего ареста указываются конкретные ограничения, которые распространяются на обвиняемого, а также компетентный орган, которому поручается надзор за соблюдением этих ограничений. Запрет на телефонные переговоры не распространяется на случаи вызова скорой медицинской помощи, правоохранительных органов или спасательных служб в чрезвычайных ситуациях, а также на случаи установления связи с органом, осуществляющим надзор. Об этом обвиняемый незамедлительно информирует орган, осуществляющий надзор.

4. Надзор за поведением обвиняемого постановлением суда осуществляется специальными электронными средствами, установленными законодательством Республики Армения. Обвиняемый обязан постоянно носить на себе указанные электронные средства контроля, не повреждать их, а также реагировать на контрольные сигналы компетентного органа.

5. На порядок, сроки и обжалование применения домашнего ареста распространяются положения, установленные настоящим Кодексом для заключения под стражу.

6. Один день домашнего ареста равен одному дню заключения под стражу».

3. В статью 123 Кодекса изменения или дополнения не вносились.

4. Поводом к рассмотрению дела послужило обращение Заявителя, зарегистрированное в Конституционном Суде 5 июня 2025 года.

5. Процедурным решением Конституционного Суда от 24 июня 2025 года ПРКС-100 дело принято к рассмотрению.

Краткая процессуальная предыстория дела¹

6. 2 октября 2024 года надзирающий прокурор передал обвинительное заключение по уголовному производству номер 69129924 - по обвинению Айка Суреновича Мелконяна по пункту 2 части 3 статьи 44-393 и пункту 2 части 3 статьи 46-399 Уголовного кодекса Республики Армения, а также других - в уголовный суд общей юрисдикции первой инстанции города Еревана (далее также - Суд).

7. В отношении обвиняемого Айка Суреновича Мелконяна комбинированно применены альтернативные меры пресечения - домашний арест и запрет на отсутствие. Постановлением Суда от 16 августа 2024 года срок домашнего ареста, применённого в качестве меры пресечения в отношении Айка Мелконяна, продлён на 2 (два) месяца - до 17 октября 2024 года. Тем же Постановлением ограничено также право Айка Мелконяна на общение с другими лицами и пользование иными формами коммуникации.

8. Определением Суда от 4 октября 2024 года уголовное дело **номер ЕД1/2537/01/24** принято к производству.

9. 15 октября 2024 года в ходе предварительных судебных слушаний по уголовному делу Суд в порядке, установленном пунктом 4 части 1 статьи 311 и статьёй 316 Кодекса, не рассмотрел вопрос об отмене, изменении или продлении срока меры пресечения в виде домашнего ареста, применённой в отношении обвиняемого Айка Мелконяна в досудебном производстве.

10. 17 октября 2024 года истёк срок домашнего ареста, применённого в отношении обвиняемого Айка Мелконяна в досудебном производстве.

11. Суд Постановлением от 18 октября 2024 года о рассмотрении вопроса о применении меры пресечения в отношении обвиняемого Айка Суреновича Мелконяна в качестве альтернативной меры пресечения применил домашний арест сроком на 3 (три) месяца, констатируя следующее:

«Обращаясь к вопросу повторного применения альтернативной меры пресечения в виде домашнего ареста, Суд констатирует следующее:

Согласно части 5 статьи 123 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения

“5. На порядок, сроки и обжалование применения домашнего ареста распространяются положения, установленные настоящим Кодексом для заключения под стражу”.

Рассматривая статьи 116-121 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения в контексте вышеизложенного, Суд констатирует, что порядок применения меры пресечения “заключение под стражу” регулируется статьей 118 Уголовно-процессуального кодекса РА, сроки установлены статьей 119 того же Кодекса, а порядок обжалования - статьями 389–390 того же Кодекса.

¹ Процессуальная предыстория настоящего дела излагается на основе данных, представленных Заявителем, судебных актов, приложенных к обращению, а также информации, имеющейся в судебной информационной системе www.datalex.am по уголовному делу № ЕД1/2537/01/24.

В то же время Суд констатирует, что положения статьи 121 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения не применимы к альтернативной мере пресечения в виде домашнего ареста, поскольку законодатель, оценивая меру пресечения “заключение под стражу” как наиболее строгую меру пресечения, для ее повторного применения предусмотрел императивную необходимость наличия новых существенных обстоятельств и их рассмотрения”.

12. На указанное Постановление подана апелляционная жалоба для особого пересмотра, которая Постановлением Апелляционного уголовного суда от 14 ноября 2024 года отклонена со следующей мотивировкой:

“Учитывая вышеизложенные обстоятельства, свидетельствующие о высокой вероятности проявления обвиняемым Айком Мелконяном неправомерного поведения, Апелляционный суд считает, что в данном случае альтернативные меры пресечения в виде административного надзора и запрета на отсутствие недостаточны для обеспечения надлежащего поведения обвиняемого, поэтому для обеспечения исполнения требований части 2 статьи 116 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения Суд первой инстанции пришёл к правильному выводу, применив в отношении обвиняемого альтернативную меру пресечения в виде домашнего ареста сроком на 3 (три) месяца.

Что касается указанных защитником Гаяне Папоян в жалобе для особого пересмотра характеризующих личность обвиняемого обстоятельств, в частности обвиняемый имеет представляющие угрозу жизни тяжёлые заболевания, 27 сентября 2024 года проведена ингаляция кислородом, врачом зафиксировано SaO2 95 процентов без кислорода по объективным данным, имеет 4 несовершеннолетних детей, из которых 2 - малолетние, Апелляционный суд констатирует, что указанные обстоятельства сами по себе не устраняют высокую вероятность побега обвиняемого и невыполнения им возложенных на него законом обязанностей, по оценке Апелляционного суда, на данном этапе применение альтернативной меры пресечения или их сочетания недостаточно для выполнения требований части 2 статьи 116 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения.

Апелляционный суд учитывает также то обстоятельство, что при принятии обжалуемого решения Суд первой инстанции выступал в качестве осуществляющего производство органа.

В связи с вышеизложенным Апелляционный суд также констатирует, что для отмены судебного акта Суда первой инстанции, выступающего в качестве осуществляющего производство органа, необходимо наличие существенных фактических обстоятельств. Противоположный подход, по убеждению Апелляционного суда, может оказать негативное влияние на нормальное течение рассмотрения основного уголовного дела в Суде первой инстанции, тем самым ограничивая внутреннюю независимость Суда первой инстанции. Между тем в данном случае в поданной жалобе для особого пересмотра такие весомые фактические обстоятельства не указаны”.

13. На указанное Постановление Уголовного апелляционного суда подана кассационная жалоба для особого пересмотра, принятие которой к производству отклонено решением Кассационного суда от 25 февраля 2025 года.

14. 5 июня 2025 года в Конституционном Суде зарегистрировано обращение Айка Мелконяна с просьбой определить вопрос соответствия статьи 123 Уголовно-процессуального кодекса РА Конституции.

Позиции Заявителя

15. Заявитель отмечает, что “*(...) 18 октября 2024 года в ходе рассмотрения вопроса о применении меры пресечения в отношении обвиняемого Айка Мелконяна по уголовному делу номер ЕД1/2537/01/24 (...) защитник Г. Папоян, ссылаясь на пункт 5 части 1 статьи 120, часть 1 статьи 121 и часть 5 статьи 123 Уголовно-процессуального кодекса, аргументировала, что в отношении порядка применения домашнего ареста применимо предусмотренное для заключения под стражу относимое регулирование уголовно-процессуального закона, согласно которому лицо, освобожденное из-под стражи, не может быть повторно заключено по стражу по тому же обвинению, если не были выявлены новые существенные обстоятельства, которые не были известны осуществляющему производство органу на момент освобождения обвиняемого из-под стражи, следовательно, в отношении обвиняемого Айка Мелконяна (...) по тому же обвинению не может быть повторно применен домашний арест, поскольку последний является лицом, освобожденным из-под домашнего ареста, и по состоянию на 18 октября 2024 года по уголовному делу номер ЕД1/2537/01/24 не обнаружены такие свидетельствующие о правомерности применения домашнего ареста в отношении обвиняемого Айка Мелконяна обстоятельства, которые не были известны Суду первой инстанции по состоянию на 17 октября 2024 года, то есть на момент освобождения обвиняемого Айка Мелконяна из-под домашнего ареста*”. Тем не менее Суд счел, что статья 121 Кодекса не применима к альтернативной мере пресечения в виде домашнего ареста.

16. Заявитель считает, что, в отличие от предусмотренных частью 1 статьи 120 и частью 1 статьи 121 Кодекса регулирований относительно заключения под стражу, статья 123 Кодекса не предусматривает регулирование о том, в каких случаях лицо приобретает статус освобождённого из-под домашнего ареста, и вследствие этого не предусматривает также регулирование о том, что в отношении лица, освобождённого из-под домашнего ареста, в том числе освобожденного в связи с истечением срока, не может быть повторно применен домашний арест по тому же обвинению, если не выявлены новые существенные обстоятельства, которые не были известны осуществляющему производство органу на момент освобождения обвиняемого из-под домашнего ареста.

17. По мнению Заявителя, законодатель обоснованно приравнивает заключение под стражу и домашний арест в аспекте оснований и условий применения, и такой подход полностью созвучен правовым позициям Европейского суда по правам человека (далее также — Европейский суд).

18. Заявитель утверждает: “(...) закрепляя в части 5 статьи 123 Уголовно-процессуального кодекса, что на порядок, сроки и обжалование применения домашнего ареста распространяются положения, установленные настоящим Кодексом для заключения под стражу, то есть в части 5 статьи 123 Уголовно-процессуального кодекса констатируя, что на порядок применения домашнего ареста распространяются особенности правомерности применения заключения под стражу (статья 118 Уголовно-процессуального кодекса), на сроки домашнего ареста распространяются ограниченные сроки применения заключения под стражу в досудебном и судебном производствах, следовательно, в досудебном производстве - обязательность рассмотрения вопроса об изменении, отмене или продлении срока заключения под стражу не более одного раза в два месяца, а в судебном производстве - не более одного раза в три месяца (части 2 и 4 статьи 119 Уголовно-процессуального кодекса), необходимость обоснования надлежащего усердия при продлении срока заключения под стражу (часть 5 статьи 118 Уголовно-процессуального кодекса), максимальные ограничения срока содержания под стражей в досудебном и судебном производствах (части 3 и 5 статьи 119 Уголовно-процессуального кодекса), законодатель тем самым фактически устанавливает, что уголовно-процессуальные процедуры применения и/или продления срока домашнего ареста как в аспекте содержания, так и по форме должны начинаться и продолжаться точно так же, как в случае применения и/или продления срока заключения под стражу, то есть в соответствии с содержанием установленного статьей 27 Конституции основного права на личную свободу и установленного статьей 63 Конституции основного права на справедливое судебное разбирательство”.

19. По убеждению Заявителя, возникает необходимость ответить на вопрос, компенсирует ли законодатель указанный законодательный пробел более льготными, по сравнению с заключением под стражу, подходами к домашнему аресту, ответ на который позволит раскрыть, может ли этот законодательный пробел преследовать правомерную цель.

20. Подводя итог всему вышеизложенному, Заявитель просит: “Признать противоречащей статье 27 Конституции и недействительной статью 123 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения в той мере, в какой она не предусматривает регулирование о том, в каких случаях лицо приобретает статус освобожденного из-под домашнего ареста, и вследствие этого не предусматривает также регулирование о том, что в отношении лица, освобожденного из-под домашнего ареста, в том числе освобожденного в связи с истечением срока, не может быть повторно применен домашний арест по тому же обвинению, если не выявлены новые существенные обстоятельства, которые не были известны осуществляющему производство органу на момент освобождения обвиняемого из-под домашнего ареста”.

Позиции Ответчика

21. Ответчик, ссылаясь на статью 27 Конституции, а также на статью 5 Европейской конвенции “О защите прав человека и основных свобод” (далее также - Конвенция) и ряд прецедентных позиций Европейского суда относительно Конвенции, констатирует, что при выборе меры пресечения компетентный орган каждый раз обязан заново оценивать обстоятельства уголовного производства. Если лицо уже освобождено из-под домашнего ареста, то повторное применение в отношении него домашнего ареста в рамках того же уголовного производства, по тому же обвинению, без появления новых существенных обстоятельств противоречит принципам уголовного судопроизводства.

22. По оценке Ответчика, повторное применение в отношении лица той же меры пресечения обязательно должно быть основано на наличии нового существенного обстоятельства, что вытекает из прав лица на личную свободу и справедливое судебное разбирательство, а также из принципа запрета повторного осуждения.

23. По мнению Ответчика, при противоположном толковании получится, что в отношении освобожденного из-под домашнего ареста лица по тому же обвинению может быть повторно применена та же мера пресечения без появления каких-либо новых обстоятельств, что приведет к произвольному ограничению права на личную свободу. Следовательно, правомерность повторного применения меры пресечения должна быть обусловлена наличием новых обстоятельств - как инструмента защиты права лица на личную свободу.

24. Ответчик считает, что основная цель заключения под стражу и домашнего ареста заключается в обеспечении эффективности уголовного производства - гарантируя присутствие обвиняемого, предотвратить незаконные вмешательства, защитить ход расследования преступления. Следовательно, законодатель исходил из подхода, согласно которому указанные меры пресечения с точки зрения контроля за поведением лица в уголовном производстве и предотвращения рисков возможного вмешательства в дело правомерно считаются равноценными. По убеждению Ответчика, домашний арест как мера пресечения по своему правовому характеру, статусу и регулированию эквивалентен заключению под стражу.

25. Обращаясь к вопросу о наличии предполагаемого законодательного пробела, на который ссылается Заявитель, Ответчик отмечает, что, хотя домашний арест является отдельной мерой пресечения и имеет определенные особенности, законодатель четко регулирует процедурные и материальные вопросы его применения, ссылаясь на положения того же Кодекса, касающиеся заключения под стражу. В Кодексе содержится прямая ссылка к нормам о заключении под стражу, в результате чего данные отношения полностью регулируются законодательством.

26. На основании вышеизложенного Ответчик считает, что “(...) *статья 123 Кодекса соответствует Конституции в данном толковании, между тем в рассматриваемом случае оспариваемое положение применено в ином толковании*”.

Рамки конституционного спора и подлежащие выяснению обстоятельства

27. Хотя Заявитель поднимает вопрос о конституционности статьи 123 Кодекса, однако учитывая, что возникшие в отношении него неблагоприятные последствия непосредственно связаны с толкованием, данном части 5 той же статьи в правоприменительной практике, Конституционный Суд в рамках настоящего дела обратится исключительно к оценке конституционности толкования, данного указанному правовому положению в правоприменительной практике.

28. Исходя из вышеуказанных рамок конституционного спора, Конституционный Суд для оценки конституционности толкования, данного оспариваемому положению в правоприменительной практике, считает необходимым обратиться к следующему вопросу:

Соответствует ли закрепленному статьей 27 Конституции праву на личную свободу данное оспариваемому положению в правоприменительной практике толкование, согласно которому закрепленные статьей 121 Кодекса гарантии от повторного заключения под стражу лица, освобожденного из-под стражи, не распространяются на альтернативную меру пресечения в виде домашнего ареста, создавая возможность повторного применения домашнего ареста по тому же обвинению в отношении лица, освобожденного из-под домашнего ареста (независимо от оснований), без раскрытия новых существенных обстоятельств, которые не были известны осуществляющему производство органу на момент освобождения обвиняемого из-под стражи?

Правовые позиции Конституционного Суда

29. Согласно части 1 статьи 27 Конституции, озаглавленной “Личная свобода”, “Каждый имеет право на личную свободу. Никто не может быть лишен личной свободы иначе, чем в следующих случаях и установленном законом порядке (...).”

30. Конституционный Суд в правовых позициях, выраженных в своем Постановлении ПКС-827 от 12 сентября 2009 года, раскрыл конституционно-правовое содержание права на личную свободу, отметив: “(...) закрепляя (...) случаи лишения лица свободы, учредитель Конституции в то же время оставил на усмотрение законодателя выбор форм лишения лица свободы в отраженных в них целях на указанных в них основаниях, никак не предопределая, какие процедурно-процессуальные меры могут применяться в каждом конкретном случае или для достижения конкретной цели”.

31. В Постановлении ПКС-1421 от 26 июня 2018 года Конституционный Суд констатировал, что “(...) конституционность любой уголовно-процессуальной процедуры, предусматривающей ограничение конституционного права на личную свободу, зависит не только от надлежащего и эффективного осуществления судебного контроля за соблюдением упомянутых критериев правомерности ограничения этого права, но и от гарантирования права лица на защиту от применения мер принуждения, связанных с лишением свободы”.

32. Конституционный Суд обратился к конституционно-правовым стандартам ограничения права на личную свободу в Постановлении ПКС-1295 от 2 сентября 2016 года,

закрепив, что из правового содержания норм статьи 27 Конституции непосредственно следует, в числе прочего, что:

- правовые критерии лишения личной свободы устанавливаются Конституцией;
- порядок лишения личной свободы устанавливается законом.

33. Согласно позициям Европейского суда, закрепление в статье 5 Конвенции прав лица на личную свободу и неприкосновенность направлено на предотвращение произвольного или необоснованного лишения свободы (*McKay v. The United Kingdom [GC], Application no. 543/03, 03.10.2006, §30*)². Последнее, по смыслу Конвенции, в “демократическом обществе” имеет первостепенное значение (*Medvedyev and Others v. France, Application no. 3394/03, 29.03.2010, §76*)³.

34. Анализ как внутригосударственных, так и международных правовых основ права на личную свободу свидетельствует о том, что оно как фундаментальное, неотчуждаемое право человека имеет ключевое значение для лица, в том числе для реализации других прав, поскольку его ограничение в отдельных случаях может привести к блокированию других прав.

35. На основании вышеизложенного Конституционный Суд считает, что как при установлении законодательных регулирований, так и при их толковании в правоприменительной практике соответствующие органы публичной власти должны иметь в качестве ориентира гарантии реализации права на личную свободу, закрепленного статьей 27 Конституции, с учетом также последствий этого права для реализации других прав лица.

36. Часть 1 статьи 27 Конституции, с одной стороны, устанавливает конституционные гарантии реализации права на личную свободу, с другой стороны, закрепляет конституционные критерии (случаи) ограничения этого права. Согласно пункту 4 части 1 указанной статьи никто не может быть лишен личной свободы иначе чем в установленном законом порядке в целях обеспечения явки лица в компетентный орган при обоснованном подозрении в совершении им преступления либо при обоснованной необходимости в целях предупреждения совершения лицом преступления или побега после его совершения.

37. В контексте вышеуказанного конституционного основания ограничения права на личную свободу уголовно-процессуальными инструментариями являются меры пресечения, призванные обеспечить нормальное течение и эффективность уголовного производства.

38. Меры пресечения, классифицируемые как заключение под стражу и альтернативные меры пресечения, направлены на обеспечение надлежащего поведения обвиняемого в ходе уголовного производства и применяются исключительно при наличии достаточных оснований полагать, что лицо может совершить действия, предусмотренные частью 2 статьи 116 Кодекса, или одно из них. В частности, мера пресечения может применяться, если это необходимо для:

² Доступно по следующей ссылке: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-77177>

³ Доступно по следующей ссылке: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-97979>

- 1) предотвращения бегства обвиняемого или
- 2) предотвращения совершения преступления обвиняемым или
- 3) обеспечения выполнения обвиняемым обязанностей, возложенных на него Кодексом или решением суда.

39. В контексте вышеизложенного Конституционный Суд констатирует, что установленные Кодексом основания применения мер пресечения, отражают целевое назначение института мер пресечения: каждое из оснований представляет легитимную (в данном случае - отраженную в пункте 4 части 1 статьи 27 Конституции) цель, реализация которой придает необходимую конституционную соразмерность примененным в отношении лица существенным правовым ограничениям (включая ограничение права на личную свободу). В конечном итоге применение каждой меры пресечения преследует цель предотвращения ненадлежащего поведения обвиняемого и обеспечения эффективного течения уголовного производства.

40. Статья 115 Кодекса под названием "**Меры пресечения**" устанавливает виды мер пресечения (их исчерпывающий перечень) – заключение под стражу и альтернативные меры пресечения, каковыми являются:

- 1) домашний арест;
- 2) административный надзор;
- 3) залог;
- 4) приостановление пребывания в должности;
- 5) запрет на отсутствие;
- 6) поручительство;
- 7) воспитательный надзор;
- 8) военный надзор.

41. Заключение под стражу как наиболее строгая мера пресечения, исходя из принципа соразмерности, избирается в случае невозможности применения считающихся альтернативными более мягких мер пресечения, в том числе домашнего ареста. При этом домашний арест как наиболее строгая альтернативная мера пресечения избирается в случае невозможности применения других альтернативных мер пресечения, имеющих меньшую интенсивность вмешательства в права.

42. Принимая за основу вышеизложенное, Конституционный Суд констатирует, что наличие в уголовном судопроизводстве альтернативных мер пресечения является важной гарантией гуманности и справедливости, позволяющей индивидуализировать конкретную меру пресечения к каждому обвиняемому и избежать ненадлежащего применения более строгих мер. Альтернативные меры пресечения позволяют обеспечить надлежащее поведение обвиняемого, предотвратить риски проявления неправомерного поведения, предусмотренного частью 2 статьи 116 Кодекса. Соответственно наличие и широкое применение альтернативных мер пресечения является важным уголовно-процессуальным инструментарием, направленным на соблюдение прав человека в ходе производства, обеспечение нормального хода и эффективности уголовного производства.

43. Согласно части 1 статьи 123 Кодекса, озаглавленной «Домашний арест», домашний арест - такое ограничение свободы обвиняемого, в ходе которого он обязан не покидать жилое помещение, указанное в решении суда.

44. Законодательные регулирования относительно домашнего ареста свидетельствуют о максимальном сходстве с заключением под стражу, в результате применения которого: 1) свобода лица ограничивается, и 2) это ограничение происходит не в специальном учреждении, предназначенном для ограничения свободы, а в жилом помещении, указанном в решении суда.

45. Согласно части 2 той же статьи при избрании домашнего ареста в качестве альтернативной меры пресечения судом могут устанавливаться специальные запреты и ограничения, а именно решением суда обвиняемому могут быть запрещены также: 1) переписка, телефонные переговоры, пользование другими формами коммуникации, в том числе почтовые отправления; 2) общение с определенными лицами или прием других лиц в месте своего проживания. При этом к лицу могут применяться как все запреты одновременно, так и только один или несколько из них.

46. Европейский суд в своих правовых позициях обоснованно отождествил последствия заключения под стражу и домашнего ареста, по смыслу статьи 5 Конвенции. В частности, согласно прецедентному праву Европейского суда, домашний арест, исходя из его степени и интенсивности, по смыслу статьи 5 Конвенции, рассматривается как лишение свободы (см. *Buzadji v. the Republic of Moldova [GC], Application no. 23755/07, 05.07.2016, §104*)⁴. Согласно прецедентным решениям Европейского суда относительно домашнего ареста, неправильное применение домашнего ареста приводит не только к нарушению права лица на свободу и личную неприкосновенность, но и к нарушению его права на свободу передвижения (см. *Guzzardi v. Italy, Application no. 7367/76, 06.11.1980, §92 и §93*⁵; *De Tommaso v. Italy, Application no. 43395/09, 23.02.2017, §85-87*)⁶.

47. При этом, с точки зрения Европейского суда, несмотря на то обстоятельство, что домашний арест вызывает меньше ограничений, создает меньше неудобств и страданий для лица, чем содержание под стражей в уголовно-исполнительном учреждении, поскольку заключенное под стражу лицо вынуждено интегрироваться в новую и в некоторых случаях неблагоприятную среду, делить свои средства и деятельность с другими сокамерниками, соблюдать дисциплину и в течение всего дня подвергаться контролюластей различной степени, тем не менее нет никакой разницы между различными видами лишения свободы. Европейский суд подчеркнул, что выражения “степень лишения свободы” и “интенсивность”, как критерии применения статьи 5 Конвенции, относятся исключительно к ограничению права лица на свободу, а не к различиям во внутреннем режиме или комфортности мест лишения свободы (см. *Buzadji v. the Republic of Moldova [GC], Application no. 23755/07, 05.07.2016, §112-113*).

⁴ Доступно по следующей ссылке: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-164928>

⁵ Доступно по следующей ссылке: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-57498>

⁶ Доступно по следующей ссылке: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-171804>

48. Из вышеуказанных правовых позиций следует, что Европейский суд по существу рассматривает применение домашнего ареста в контексте права на свободу и личную неприкосновенность, рассматривая домашний арест в свете гарантий, предусмотренных для заключения под стражу.

49. Исходя из вышеуказанных основополагающих положений, законодатель в части 5 статьи 123 Кодекса “четкой и прямой отсылкой” закрепил, что на порядок, сроки и обжалование применения домашнего ареста распространяются положения, установленные Кодексом для заключения под стражу, что, в числе прочего, означает, что:

1. К домашнему аресту применяются, *mutatis mutandis*, особенности правомерности заключения под стражу, поэтому:

*а) при продлении срока заключения под стражу (домашнего ареста) перед судом необходимо обосновать также надлежащее усердие (*due diligence*), проявленное осуществляющим производство органом для раскрытия имеющих значение для производства обстоятельств, а также необходимость продолжения уголовного преследования в отношении данного обвиняемого (часть 5 статьи 118 Кодекса);*

б) решением суда о применении заключения под стражу (домашнего ареста) или продлении срока заключения под стражу (домашнего ареста) может быть ограничено право обвиняемого на общение с другими лицами, если следователем или прокурором при достаточной полноте фактических обстоятельств обоснована и судом мотивированно установлена необходимость такого ограничения, включая условия, касающиеся срока и круга лиц (часть 6 статьи 118 Кодекса).

2. К домашнему аресту применяются сроки содержания под стражей, поэтому:

а) лицо можно содержать под стражей (домашним арестом) столько времени, сколько необходимо для обеспечения нормального хода производства и пока имеются основания содержания лица под стражей (домашним арестом), однако в любом случае этот срок не может превышать максимальные сроки, установленные Кодексом для содержания под стражей (часть 1 статьи 119 Кодекса);

б) в досудебном производстве заключение под стражу (домашний арест) может быть применено или его срок может быть продлен в каждом случае на срок не более двух месяцев - с соблюдением установленных статьей 119 Кодекса максимальных сроков содержания под стражей в досудебном производстве (часть 2 статьи 119 Кодекса);

в) максимальный срок содержания под стражей в досудебном производстве составляет: 1) четыре месяца – в случае обвинения в преступлении небольшой тяжести (пункт 1 части 3 статьи 119 Кодекса); 2) шесть месяцев – в случае обвинения в преступлении средней тяжести (пункт 2 части 3 статьи 119 Кодекса); 3) десять месяцев – в случае обвинения в тяжком преступлении; 4) двенадцать месяцев – в случае обвинения в особо тяжком преступлении (пункт 4 части 3 статьи 119 Кодекса);

г) в судебном производстве заключение под стражу (домашний арест) может быть применено или его срок может быть продлен в каждом случае на срок не более трех месяцев (часть 4 статьи 119 Кодекса);

д) общая продолжительность содержания под стражей (домашним арестом) не может превышать максимальный срок наказания в виде лишения свободы, предусмотренный за вменяемое обвиняемому преступление (часть 5 статьи 119 Кодекса);

е) срок содержания под стражей (домашним арестом) исчисляется с момента фактического лишения лица свободы. В срок содержания под стражей (домашним арестом) зачисляется также срок, когда обвиняемый по решению суда находился в медицинском учреждении для проведения экспертизы или в отношении него в качестве меры безопасности применялся медицинский надзор (часть 6 статьи 119 Кодекса);

ж) в общий срок содержания под стражей (домашним арестом) не зачисляется срок, в течение которого лицо находилось в заключении на территории другого государства в связи с передачей производства или выдачей лица (часть 7 статьи 119 Кодекса).

3. К домашнему аресту применяются основания освобождения из-под стражи, следовательно:

а) компетентное лицо освобождает обвиняемого из-под стражи (домашнего ареста), если: 1) отпало основание или необходимость содержания лица под стражей (домашним арестом) (пункт 1 части 1 статьи 120 Кодекса); 2) в отношении обвиняемого прекращено уголовное преследование (пункт 2 части 1 статьи 120 Кодекса); 3) в отношении обвиняемого вынесен оправдательный вердикт (пункт 3 части 1 статьи 120 Кодекса); 4) суд назначил обвиняемому наказание, не связанное с лишением свободы (пункт 4 части 1 статьи 120 Кодекса); 5) истёк установленный судом срок заключения под стражу (домашний арест), и не получено постановление суда о его продлении (пункт 5 части 1 статьи 120 Кодекса); 6) истёк максимальный срок содержания лица под стражей (домашним арестом), установленный Кодексом (пункт 6 части 1 статьи 120 Кодекса); 7) мера пресечения в виде заключения под стражу (домашний арест) изменена или отменена в порядке, установленном Кодексом (пункт 7 части 1 статьи 120 Кодекса);

б) в случаях, предусмотренных вышеупомянутыми пунктами 2-4, суд незамедлительно освобождает обвиняемого из-под стражи (домашнего ареста) в зале судебного заседания (часть 2 статьи 120 Кодекса);

в) в случаях, предусмотренных вышеупомянутыми пунктами 5-7, компетентное лицо незамедлительно освобождает обвиняемого из-под стражи (домашнего ареста) (часть 3 статьи 120 Кодекса).

4. К домашнему аресту применяются условия повторного заключения под стражу лица, освобождённого из-под стражи, следовательно:

а) в отношении лица, освобождённого из-под стражи (домашнего ареста), по тому же обвинению не может быть повторно применено заключение под стражу (домашний арест), если не выявлены новые существенные обстоятельства, которые не были известны осуществляющему производство органу на момент освобождения обвиняемого из-под стражи (домашнего ареста) (часть 1 статьи 121 Кодекса);

б) если в отношении лица, освобождённого из-под стражи (домашнего ареста), вновь применяется заключение под стражу (домашний арест), то при определении максимально

допустимого срока содержания под стражей (домашним арестом) засчитывается также время его нахождения под стражей (домашним арестом) до освобождения из-под стражи (домашнего ареста) (часть 2 статьи 121 Кодекса).

5. К домашнему аресту применяются правила обжалования заключения под стражу (регулирования, предусмотренные главой 48 Кодекса, озаглавленной “Особый пересмотр”).

50. Конституционный Суд считает важным подчеркнуть, что Кассационный суд в решении от 28 июня 2024 года по делу № НКД/0233/06/23 также констатировал: “(...) В силу статьи 123 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения на порядок, сроки и обжалование применения домашнего ареста распространяются положения, установленные для заключения под стражу. Иначе говоря, законодатель правомерно приравнивает заключение под стражу и домашний арест с точки зрения оснований и условий применения (...)”⁷.

51. С учётом вышеизложенного Конституционный Суд констатирует, что законодатель, в целях обеспечения конституционного права лица на личную свободу, учитывая интенсивность вмешательства заключения под стражу и домашнего ареста в указанное конституционно гарантированное право, установил, что компетентное лицо освобождает обвиняемого из-под стражи (домашнего ареста), если истёк установленный судом срок заключения под стражу (домашний арест) и не получено постановление суда о его продлении. Следовательно, обвиняемый приобретает статус освобождённого из-под стражи лица, в отношении которого действует презумпция свободы.

Кроме того, законодатель предусмотрел дополнительные условия для повторного представления в суд ходатайства о выборе в качестве меры пресечения заключения под стражу (домашнего ареста) по тому же обвинению в отношении лица, освобождённого из-под стражи (домашнего ареста), или лица, в отношении которого ходатайство было отклонено судом. В частности, ходатайство о заключении лица под стражу (применении домашнего ареста) может быть представлено повторно только в исключительных случаях, когда выявлены **новые существенные обстоятельства**, которые не были известны осуществляющему производство органу на момент освобождения обвиняемого из-под стражи (домашнего ареста) или отклонения ходатайства о выборе заключения под стражу (домашнего ареста) в качестве меры пресечения и которые обосновывают необходимость выбора заключения под стражу (домашнего ареста) в качестве меры пресечения.

52. Законодательное требование о представлении “новых существенных обстоятельств” относится к случаям, когда лицо освобождается из-под стражи (домашнего ареста) (независимо от основания и ситуации), после чего подаётся ходатайство (или суд по собственной инициативе рассматривает этот вопрос) о его повторном заключении под стражу (применении домашнего ареста), а если ходатайство уже было подано, то речь идёт не о повторном заключении под стражу (применении домашнего ареста), а о продлении

⁷ Доступно по следующей ссылке: <https://www.cassationcourt.am/en/precedent/precedent-singledecision/anticorruption-criminal-cases/2432>

срока уже существующего заключения под стражу (домашнего ареста), для чего законодатель не установил требование о представлении “новых существенных обстоятельств”. В отличие от лиц, заключаемых под стражу впервые, для повторного заключения под стражу лиц, освобождённых из-под стражи, законодатель установил более строгие требования, а именно: лицо, освобождённое из-под стражи, не может быть повторно заключено под стражу по тому же обвинению, если не выявлены новые существенные обстоятельства, которые не были известны осуществляющему производство органу на момент освобождения обвиняемого из-под стражи (часть 1 статьи 121 Кодекса).

Кассационный суд, рассматривая кассационную жалобу на особый пересмотр решения Апелляционного уголовного суда от 11 августа 2023 года, поданную защитниками обвиняемого Арутюна Арсеновича Аветисяна, в решении от 28 февраля 2025 года по делу № ARD/0180/01/23 также констатировал: “(...) 12.2. ... что в целях обеспечения основополагающего права лица на свободу и личную неприкосновенность законодатель предусмотрел дополнительные условия для повторного заключения под стражу лица, освобождённого из-под стражи, если ходатайство в отношении него было отклонено или оно было освобождено из-под стражи соответствующим решением. Так, лицо может быть повторно заключено под стражу **только в случае**, если выявлены **новые существенные обстоятельства**, которые не были известны осуществляющему производство органу на момент освобождения обвиняемого из-под стражи или отклонения ходатайства о выборе заключения под стражу в качестве меры пресечения и которые обосновывают **необходимость** выбора заключения под стражу в качестве меры пресечения”.

53. Конституционный Суд считает, что, по смыслу статьи 120 Кодекса, лицо, освобождённое из-под домашнего ареста, не может быть повторно заключено под стражу по тому же обвинению, если не выявлены новые существенные обстоятельства, которые не были известны осуществляющему производство органу на момент освобождения обвиняемого из-под домашнего ареста. При этом законодательное требование о представлении новых существенных обстоятельств, обосновывающих необходимость применения домашнего ареста, исходит из правомерной идеи о том, что в контексте гарантирования права на личную свободу суд не может применять домашний арест в случае, когда те же обоснования относительно тех же условий и оснований уже: 1) однажды были признаны недостаточными для ограничения рассматриваемого права того же лица по тому же обвинению или 2) послужили основанием для ограничения рассматриваемого права лица.

54. В этом контексте Конституционный Суд считает несовместимым с конституционным содержанием права, закреплённого в статье 27 Конституции, такое толкование оспариваемого положения в правоприменительной практике, согласно которому положения статьи 121 Кодекса не применимы в отношении альтернативной меры пресечения - домашнего ареста.

55. Конституционный Суд обращает внимание на то обстоятельство, что, согласно разъяснению Ответчика - Национального Собрания, законодатель также: а) счёл домашний арест в качестве меры пресечения равнозначным заключению под стражу с точки зрения его правовой природы и особенностей регулирования; б) в Кодексе при регулировании отношений в связи с домашним арестом прямо сослался на нормы относительно заключения под стражу; в) обусловил правомерность повторного применения указанной меры пресечения наличием новых существенных обстоятельств; г) оценил “повторное применение домашнего ареста в рамках того же уголовного производства в отношении обвиняемого по тому же обвинению без выявления новых существенных обстоятельств” как “противоречащее принципам уголовного судопроизводства”, выводя это из основных прав лица на личную свободу и справедливое судебное разбирательство.

56. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Конституционный Суд констатирует, что в отношении обвиняемого Айка Суреновича Мелконяна комбинировано применены домашний арест и запрет на отсутствие как альтернативные меры пресечения. Решением суда **от 16 августа 2024 года** срок применённого в отношении Айка Мелконяна в качестве меры пресечения домашнего ареста продлён на срок 2 (два) месяца — **до 17 октября 2024 года**. Тем же Постановлением ограничено также право Айка Мелконяна на общение с другими лицами и использование иных форм коммуникации.

57. Постановлением Суда о рассмотрении вопроса о применении меры пресечения **от 18 октября 2024 года** в отношении обвиняемого по уголовному делу № ЕС1/2537/01/24 Айка Суреновича Мелконяна в качестве альтернативной меры пресечения применён домашний арест сроком на 3 (три) месяца, констатируя: “(...) что положения статьи 121 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения не применимы в отношении альтернативной мере пресечения - домашнего ареста, поскольку законодатель, оценив меру пресечения “заключение под стражу” как наиболее строгую меру пресечения, предусмотрел для ее повторного применения императивную необходимость новых существенных обстоятельств и их рассмотрения”.

58. Из изучения приложенных к обращению документов видно, что 17 октября 2024 года истёк срок домашнего ареста, применённого в отношении обвиняемого Айка Мелконяна в досудебном производстве, и он фактически приобрёл статус лица, освобождённого из-под стражи (домашнего ареста), по смыслу статьи 120 Кодекса, тем самым воспользовавшись установленными статьей 121 Кодекса процессуальными гарантиями от повторного заключения под стражу лица, освобождённого из-под стражи (домашнего ареста).

59. На вышеуказанных основаниях Конституционный Суд считает, что применение толкования, данного части 5 статьи 123 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения в правоприменительной практике по настоящему делу, привело к нарушению основных прав, закреплённых в части 1 статьи 27 и части 1 статьи 63 Конституции.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь частью 1 статьи 167, пунктом 1 статьи 168, частями 1, 4 и 5 статьи 170 Конституции, а также принимая за основание статьи

63, 64 и 69 Конституционного закона “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд
ПОСТАНОВИЛ:

1. Часть 5 статьи 123 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения соответствует Конституции в том толковании, согласно которому порядок, сроки и обжалование применения домашнего ареста регулируются соответствующими положениями относительно заключения под стражу, включая установленные частью 1 статьи 121 Кодекса гарантии от повторного заключения под стражу лица, освобожденного из-под стражи.

2. В соответствии с частью 10 статьи 69 Конституционного закона “О Конституционном Суде” вынесенный в отношении Заявителя окончательный судебный акт подлежит пересмотру на основании вновь открывшегося обстоятельства в установленном законом порядке, учитывая, что часть 5 статьи 123 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения была применена в отношении Заявителя в толковании, отличном от толкования, указанного в настоящем Постановлении.

3. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

А. ДИЛАНЯН

30 сентября 2025 года

ПКС-1798

Перевод сделан издательско-переводческим отделом
Конституционного суда Республики Армения